

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                            |     |
|--------------------------------------------|-----|
| Сталинский сокол. Позывной «Москаль» ..... | 5   |
| Сталинский сокол. Позывной «Варяг» .....   | 241 |
| Танкист № 1 .....                          | 455 |
| Танкист № 1. Четыре танкиста .....         | 655 |

Сталинский сокол.  
Позывной «Москаль»

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕГЛЕЦ

### Пролог

*Москва, 9 мая 2015 года*

«Мессершмитт» атаковал в лоб — сверкая лопастями пропеллера, слившимися в круг, он пыхал коротким злым огнём крыльевых пушек.

Навстречу «Яку» понеслись дымные жгуты трассеров, малиновые и зелёные.

Жилин положил истребитель на крыло, уходя с линии огня, и вжал гашетку: «Як» затрясся, посылая очередь — двадцатимиллиметровые снарядики порвали «мессеру» крыло, добрались до кабины — брызнули стёкла — и впились в мотор.

Полыхнуло пламя.

Фашистский самолёт промелькнул мимо, копотно-чёрный шлейф стелился за ним, как траурная лента...

Изображение замерло, и на экране всплыла надпись: «Game over».

Жилин со вздохом оторвался от компьютера, отпуская джойстик, и впрямь походивший на игрушечную ручку управления «Яком».

— Молодец, деда! — воскликнул правнук. — Сбил!

— Опыт есть, Пашка, — усмехнулся Иван Фёдорович, полковник авиации в отставке. — Единственное — ерунда эта твоя «стрелялка»... Как бишь её...

— «Уорлд оф варплэйнс»! — важно выговорил Павел. — А почему ерунда?

— Ну-у... Как тебе объяснить... Ну, вот этот «худой»...

— Кто-кто?

— «Худыми» мы «Мессершмитты» называли — у них фюзеляжи узкие. Во-от... «Мессеры» очень редко атаковали в лоб, чаще они уклонялись. Немцы не любили геройствовать.

Правнук примолк.

Забравшись к деду на колени, он сказал тихонько:

— Деда, зато ты у меня герой.

Улыбнувшись, Жилин погладил Пашку по голове.

В мае ему девяносто шестой пошёл, но старикан он был удивительно бодрый — ходил без палочки, а если ронял монетку на пол или газету, то сам нагибался и поднимал. Хотя войну отбыл от звонка до звонка, с того самого 22 июня и по август 45-го.

И сбивали его, и попадали — три дырки в шкуре провертели фрицы, а он раз за разом выкарабкивался и упорно возвращался в строй. Пятьсот сорок боевых вылетов, полсотни сбитых «мессеров», «фокке-вульфов», «юнкеров» и прочих «хейнкелей».

Иван Фёдорович вздохнул. Разбередил его парад, растревожил...

На Красной площади он сидел неподалёку от Путина, чуть выше.

Ах, как шагали наши десантники — сильные, настоящие, умелые, brave парни! Иные из «голубых беретов» каменели лицами, а другие не могли сдержать чувств — и улыбались белозубо, радуясь празднику, здоровью, молодости...

И опять вздох. Чего развздыхался, старый хрыч? Да всё от того же... Жизнь прошла, как ни крути!

Одно хорошо, что детей своих хоронить не довелось...

Единственное — жена покойная. Слегла однажды Алёна, да и не поднялась больше. А что вы хотите? Возраст...

Один ты зажился, Иван Фёдорыч, и никак не желаешь освободить жилплощадь...

Ну, это уже стариковское брюзжание началось.

Сашка, старшенький его, не из таковских, что стариков своих со свету сжить не прочь. Да и есть у него квартира, хоть и в Мытищах.

Зятек его тоже не бедствует, в «менеджеры» вышел, всё какими-то мудрёными делами занят, на «инг» заканчиваются...

— Алё? — послышался голос правнука. — Я у дедушки. Ага... А куда? К тётке Томе? Ура-а... Я щас! Деда, я пошёл!

Шаркая тапками, Жилин выбрался в прихожую. Пашка как раз упаковывался в свою куртку «на рыбьем меху».

— Не продует? — озаботился старый.

— Не-а! — легкомысленно ответил малый. — Пока, дед!

— Пока...

Клацнул замок, прогудели ступеньки, глуша топот юных ног — и тишина. Только «ходики» продолжали отбивать тающие секунды.

Интересно, подумал Жилин, проживёт ли он ещё один год?

Может, дотянет до сотни? Это вряд ли...

А жаль.

Хоть и говорят, что старики устают жить, но это точно не про него.

Очень хочется посмотреть, а что же дальше-то будет.

Только-только Россия подниматься стала, да сдачи давать! И Союз строится, пусть даже и не Советский, а Евразийский, да хоть такой...

Ага...

А он возьмёт, и того... скоропостижно.

— Чего ты куksiшься? — проворчал Иван Фёдорович вслух. — Тикаешь ещё, вот и радуйся...

Воображение всё равно разыгралось, и Жилин представил себе, как на следующий парад Пашка понесёт его портрет — пополнение «Бессмертного полка» ... Полковник лишь головой покачал.

Всё может быть, всё может стать... Человек внезапно смертен.

Иван Фёдорович задумался.

Он прошёл всю войну, бил фашистов с «яков» и «лавочек», и Берлин брал, и чуть было до Токио не дошёл, когда летом 45-го японцам жизни давали. А всё равно, бродила в нём, покоя лишала какая-то... неудовлетворённость, что ли? Словно не всё он сделал, что мог, не исправил ставшее непоправимым.

Жилин поугрюмел.

Что он мог? 22 июня лейтенант Жилин поднял свой «И-16» и сбил немецкий бомбовоз. Его «ишачка» тотчас же «опустили» ...

Да и куда ему было сажать истребитель, коли родной аэродром разбомбили?

До сих пор саднят эти воспоминанья — о самолётах, которым даже не дали взлететь, пожгли на земле. О лётчиках, что носились в одном исподнем, стаскивая брезент с истребителей, пытаясь завести моторы, а в баках пусто...

Это было колоссальное унижение.

Даже при Ельцине, «опустившем» всю страну, Жилин не испытывал такого позора.

Наверное, не зря первенца окрестили Александром, в честь Суворова, а правнук даже не догадывается, что носит имя главнокомандующего ВВС РККА.

Павел Васильевич Рычагов командовал авиацией 9-й армии во время войны с белофиннами. Именно тогда младший лейтенант Ваня Жилин сбил свой первый «Фоккер»\*.

---

\* Имеется в виду не прозвище, данное советскими пилотами самолётам «Фокке-Вульф», а истребители голландской фирмы «Фоккер», поступавшие на вооружение ВВС Финляндии.

Рычагов мог выйти в «красные маршалы», стать большим человеком, но его подвела молодость, глупость и горячность.

Ещё в 35-м Рычагов ходил в старших лейтенантах, но это был прирождённый ас: за один вылет он мог накрутить двести пятьдесят фигур высшего пилотажа — так Павел Васильевич принимал новую технику, поступающую в эскадрилью.

Однажды, пилотируя У-2, он заметил, что одна из лыж встала торчком. Передав штурвал сослуживцу, Рычагов вылез из кабины на крыло и, держась за стойку, хладнокровно, ногой, выставил лыжу в посадочное положение. И готово дело!

Вот такой человек. А потом была Испания...

Старший лейтенант Рычагов под именем Пабло Планкара командовал эскадрилей «И-15». Над Мадридом и Гвадалахарой он сбил шесть «Юнкерсов» и «Фиатов».

В 38-м майор Рычагов сам попросился в Китай — бить самураев. И бил!

Отражал налёты японской авиации на Ханькоу и Наньчан, уничтожил сорок восемь самолётов противника на аэродроме в Нанкине, а потом нанёс удар по тайваньской авиабазе, после чего оттуда месяц не взлетал ни один «Зеро-сэн»\*.

А карьера какая! Комэск — комбриг — комкор — главнокомандующий ВВС! Весной 41-го, когда ему едва тридцать исполнилось, Рычагов стал заместителем наркома обороны.

Падать после такого взлёта было ох как больно... Особенно если по собственной дурости.

9-го апреля на Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос об аварийности в авиации Красной Армии. Положение было аховое — каждый божий день разбивалось по два-три самолёта!

Рычагову сделали справедливое внушение — дескать, виной всему «расхлябанность и недисциплинированность». Мало того, нарушителей никто даже не наказывает! И что же ответил молодой замнаркома?

Вскочил, покраснел, да и ляпнул: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!»

Сталин стоял рядом, и для него эта выходка Рычагова стала плевок в лицо, самым настоящим личным оскорблением — вождь немало усилий затратил, «подтягивая» авиацию. И вдруг такая пощёчина, да ещё прилюдно!

Иосиф Виссарионович постоял, помолчал.

---

\* Японский истребитель «Мицубиси А6М Зеро». «Сэн» от слова «сэнтюки» — истребитель.

Пошёл мимо стола, за которым сидели члены ЦК, развернулся, зашагал обратно в полной тишине. Вынул трубку изо рта, проговорил медленно и тихо, не повышая голоса: «Вы не должны были так сказать!» И пошёл опять, справляясь с волнением.

Дошагал, вернулся и повторил тем же низким спокойным голосом:

«Вы не должны были так сказать, — сделал крошечную паузу и добавил: — Заседание закрывается».

И первым покинул комнату.

Что тогда думал Рычагов, неизвестно. Через три дня недоучку-главнокомандующего сняли и направили в Военную академию Генштаба: учись, студент!

Сделал ли Павел Васильевич верные выводы в промежутке между будущим Днём космонавтики и 22 июня?

Нет.

26 июня Рычагова арестовали, а осенью расстреляли вместе с супругой, майором Марией Нестеренко, обвинённой в том, что «...будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности мужа».

Вот такая вот судьба. Запиликал телефон, и Жилин поспешил снять трубку.

— Да?

На том конце провода задышали, захлюпали носом, и стеклянный голос сказал:

— Иван Фёдорович? Алё!

— Леся? — удивился и обрадовался Жилин. — Ты, что ли?

— Добрый ранок, Иван Федорыч! Я...

— А Панас где? Чего не звонит? Я-то думал, он меня первым поздравит!

Леся расплакалась.

— Помер папка...

Ветеран нашарил притолоку двери на кухню и вцепился в неё.

— Ах, ты... Когда?

— Та учора! Як заснув, так и усэ... Сердце! Завтра хороним. Приезжайтэ, будь ласка!

— Конечно, конечно, Леся! А как же!

Послышались гудки, и Жилин осторожно повесил трубку, словно та была из хрупкого стекла.

— Ах, ты...

Иван Фёдорович покачал головой: Панас, Панас...

От Курска до Берлина вместе дошли, в одной эскадрилье, крылом к крылу. А сколько раз спину друг другу прикрывали? Начнёшь

вспоминать, и сразу столько всего в голове проясняется. Война была долгой...

Ветеран вздохнул. Ему очень не хотелось ехать на Украину. Очень! Но долг... Последний долг.

Жилин засуетился, собираясь в дорогу. Свой любимый, истёртый портфель он брать не стал. Зачем? Пижаму туда класть или зубную щётку? Да тут ехать-то! Таскайся потом с этой «ручной кладью»!

Махнув рукой, Иван Фёдорович вышел из дома, как был — в парадном костюме, с рядами позванивавших орденов и медалей на пиджаке. Перекантуется как-нибудь.

На метро Жилин добрался до Киевского вокзала, купил билет, занял свою нижнюю полку. Когда поезд тронулся, Иван Фёдорович настолько погрузился в прошлое, что смотрел в окно и не видел ничего. Мелькали дачи, проплывали подмосковные рощицы или развязки с суетливым трафиком, да только всё мимо, мимо...

Перевалит вам за девяносто, и соблазны реала потеряют своё притяжение. До будущего надо ещё дожить, а поспеете ли? Вот и окунаешься в омут памяти, мыслями возвращаясь к давно минувшему...

Поезд «Москва — Одесса» прибыл в Киев ясным утром, однако Жилину почудилось, будто столица «незалежной» погружена в сумрак. Словно дым от покрывшек, сгоревших на Майдане, так до сих пор и не выветрился.

Люди какие-то дёрганные, нервные, злые... Киевляне с умными лицами, с добрым выражением глаз словно прятались в толпе, уходили в себя — приглядываться надо, чтобы их заметить.

Часто реяли петлюровские «жовто-блакитные» флаги, и делалось неуютно: той Украины, что ветеран знал, больше не существовало.

УССР стала «заграницей», чужой и опасной страной, где правят фашисты. Тут ненавидят русских, обзывая их «ватниками», тут малюют свастики на могилах павших героев, а молодчики с оселдцами на головах маршируют в вышиванках и трубно ревут: «Слава України!»

Смириться с бандеровским беспределом, с внезапным «оборотничеством» некогда братского народа Жилину было нелегко.

Они с Панасом Сулимой прошли, пролетели от Донбасса до Карпат: сбивали «мессеры» и радовались, что истерзанная украинская земля обрела, наконец-то, свободу. А теперь её снова топчут фашисты!

Иван Фёдорович покривился, страдая от бессильного гнева. Вон, вышагивают!

Современные нацисты с красно-чёрными флагами не прятались, они шагали нагло, по-хозяйски. Киевляне пугливо отворачивались, а то, бывало, и сами надсаживались, выкрикивая бандеровское прохероев и Славу какого-то.

А перед Жилиным словно прокручивали старую кинохронику, где тысячные толпы «кидают зигу», истошно вопя: «Хайль Гитлер!»

Неужто даром кровь лили? Неужто те молодые, весёлые парни, чьи лица сохранились лишь на старых фото, погибли зря?

Право, будь он лет на сорок моложе, отправился бы на Донбасс — фашистов бить. Единственно только — дедам путь в молодость заказан, им даден билет в один конец.

Конец. «Game over», — как Пашка говорит.

— Кончай, Иван Фёдорович, — буркнул себе под нос Жилин. — Разнылся!

До пятиэтажки на улице Луначарского, где проживал его однополчанин, он добрался на троллейбусе.

В тесноватой квартирке пахло тлением и воском. Народу собралось немного, человек пять: жена Панаса — бабушка со скорбным изгибом впалых губ; дочь Леся в траурном платье и трое старичков-ветеранов.

Иван Фёдорович был шестым, а майор Сулима лежал в гробу, обтянутом красным бархатом, желтолицый и словно усохший среди бумажных цветов.

Похороны — весьма нудное мероприятие.

Деловитые могильщики с лопатами скучали в сторонке, дожидаясь своей очереди — и заветной бутылки за труды.

Красноносые музыканты старательно «лабали жмурика», извлекая из расстроенных инструментов душераздирающие звуки.

Равнодушные поварихи готовили скромную снедь в кафешке, закрытой на «спецобслуживание»: постный супчик, солянка с котлетой, компот. И водка.

Земля тебе пухом, Панас...

С поминок Иван Фёдорович возвращался уже вечером, решив не задерживаться в Киеве. Как там у Чехова? «В Москву! В Москву!»

Было противно смотреть на «майданутых», на крикливые плакатики «Україна — це Європа!», на всю эту разруху в головах, на улицах и в подворотнях.

А где-то на востоке палят орудия по Донецку, обстреливая мирные дома «ватников» и «колорадов». И Жилину стало совсем тошно.

До вокзала он добирался по улице Коминтерна, лет пять как переименованной в честь украинского националиста Симона Петлюры. Ветеран не плёлся даже, а едва тащился, усталый и вымотанный, из

последних сил опираясь на палочку и укоряя себя за то, что рано сошёл с троллейбуса — надо было ещё пару остановок проехать. Немоощь, немощь...

Стемнело, зажглись фонари, да и витрины с окнами добавляли света. По улице потоком катили машины — и шагала колонна бандеровцев с факелами.

Они орали, вскидывали, не стесняясь, руки в нацистском салюте, голосили, гоготали, и Жилин на миг ощутил себя Штирлицем в Берлине, наблюдающим за шествием штурмовиков. Тут пятеро или шестеро лбов отделились от толпы, привлечённые блеском орденов. Один из них, потный и волосатый, с рунами СС на майке, глумливо осклабился:

— Та цэ ж москаль, хлопци!

Его «камрад» громко икнул и сказал на чистом русском языке:

— Щас проверим. А ну, дед, скачи!

Лбы радостно заржали.

— Хто не скачэ, той москаль! — продекламировал волосатый.

Протянув руку, он ухватился за медали, висевшие у Жилина на груди, и дёрнул, срывая награды «За взятие Берлина» и «За отвагу».

— Прочь! — выдохнул Иван Фёдорович. — Мразота!

— Вате слова не давали! — ухмыльнулся волосатый и пихнул Жилина.

Старик не удержался, упал на одно колено — ногу пронзила палящая резь.

— Сволочи фашистские! — прохрипел Иван Фёдорович, из последних сил взмахивая тростью.

«Камрад», которому он съездил по колену, зашипел, выматерился и набросился на Жилина. Нога в грязном берце заехала фронтовику в живот, сбивая дыхание и опрокидывая навзничь, вломилась в рёбра, в печень...

— Клятый москаль! — взвизгнул волосатый, обрушивая на голову Ивана Фёдоровича бейсбольную биту.

Боль затопила сознание, и навалилась тьма. Последним высверком света мелькнула мысль: «Game over?..»

## Глава 1. «Подселение»

*СССР, Сочи, 19 июня 1941 года*

Жилин ощутил себя лежащим, прикрытым простынёй.

Он в морге? Помер ветеран войны, и его брненное тело перевезли в больницу? Хм. Как-то уж слишком тепло и мягко...

И пахнет не дезинфекцией, а цветами — и морем. А почему тогда темно? Иван Фёдорович открыл глаза.

Высокий белый потолок. Окна задёрнуты плотными шторами, но лучи утреннего солнца пробиваются, преломляясь в висюльках люстры. Одна из штор слегка колыбалась на сквозняке, и висюльки чуть-чуть покачивались, вызванивая почти неслышно.

Господи, да где же он? Не в мертвецкой, это точно.

Ничего не болело, не ныло, даже бывшая ярость утасла, сменяясь усталым безразличием.

Выпростав руки, Жилин отёр лицо, осторожно ощупал голову. Цела... Сердце дало сбой — и забилося чаще.

Это были не его руки!

Не сухие и мосластые, в старческих конопушках, а вполне себе молодые, сильные. Упругая гладкая кожа рельефно бугрилась, очерчивая крепкие мышцы...

И, как гром с небес, сонный женский голос:

— Проснулся, котя?

Иван Фёдорович резко повернул голову.

Опираясь на локоть, ему улыбалась молодая женщина, оголяя стройную шею, и без того выделенную короткой причёской, и покатыми царственными плечами.

Лицо её можно было назвать простым, страшненьким даже, но улыбка здорово красила его, придавая чертам миловидность.

— Проснулся наш Пашенька, проснулся наш генеральчик... — нежно заворковала она и села, потягиваясь, бесстыдно выставляя тугие круглые груди. Наклонившись к Жилину, она прошептала нежно, подлаживаясь: — Доброе утро, котя. Как спалось?

— Странный какой-то сон, — пробормотал полковник, не узнавая свой голос.

Женщина игриво рассмеялась и стянула с него простыню. Прижалась, обдавая теплом, и руки Жилина сами, без ведома хозяина, стали гладить налитое, шелковистое, горячее.

— Машенька... — слетело с его губ.

Что? Это он сказал? Откуда он знает эту женщину?

На последующие десять или пятнадцать минут рассудок вообще отключился, подчиняясь душным плотским желаниям. Жилин овладевал женщиной со всей страстью скупердя, вдруг обретшего утерянное сокровище. И со страхом ожидал, что вот-вот откажет сердце, не выдержав утех, однако «моторчик» тарахтел, как ни в чём не бывало, лёгкие вбирали воздух, как мехи, а руки хватали стонавшую женщину за грудь, за попу, сжимали, тискали, мяли, гладили...

В благостном изнеможении Иван Фёдорович упал на подушку, бурно дыша. Маша пристроилась рядом, положив голову ему на плечо. Жилин обнял её за плечи, чувствуя, как волосы щекочут щеку.

Может, так оно и бывает? Он умер, и угодил в рай?

Хм. Ну, если данные улады — райские, то бестелесными их назвать трудно. Как-то не вяжется с парадизом.

— Котя, полежи пока, — шепнул он и встал.

— М-м-м...

Иван Фёдорович натянул пижамные штаны, подцепил пальцами ног тапочки и вышел.

За дверями, ведущими в спальню, обнаружилась гостиная или что-то в этом роде. Шторы тут задёрнуты не были, и ясное утро лопилось в большое окно.

Жилин прислонился спиной к стене и крепко зажмурил глаза.

Это не сон, не бывает таких сновидений, когда всё реально и вещь... Он криво усмехнулся, не раскрывая глаз. Ты ещё и размышляешь, умник? Тебя убили полчаса назад! Понимаешь? Ты умер!

— Я жив! — прошептал Иван, открывая глаза. — Я есть!

Он осмотрелся.

На столе лежал букет увядших цветов и стопка газет. «Правда», «Известия», «Адлерская правда». Свежие, пахнущие типографской краской.

За 17 июня 1941 года.

Жилин застонал, роняя прессу на стол.

Озираясь, как в тумане, он зацепился взглядом за китель, висевший на спинке стула, и бросился к нему. Генеральский китель...

Сунул руку в карман, достал паспорт — коленкоровую тёмно-серую книжицу.

«Рычагов Павел Васильевич».

Жилин медленно опустил руку с серпастым-молоткастым и быстро сунул его обратно в карман, словно испугавшись — вдруг хозяин явится и застукает его за нехорошим занятием.

Углядев зеркальную дверцу шкафа, Иван Фёдорович приблизился и долго смотрел на своё отражение.

Молодой мужчина лет тридцати, ладно скроен, крепко шит.

Короткие чёрные волосы растрёпаны, глаза смотрят потерянно, на щеках трёхдневная щетина — разбаловался на курорте...

Жилин поднял руку, словно желая удостовериться, что отражается именно он. Да где ж он...

Накатила слабость, Иван Фёдорович пошатнулся, выбрасывая руку и шлёпая ладонью по холодному стеклу.

Накатила слабость: Иван Фёдорович пошатнулся, выбрасывая руку и шлёпая ладонью по холодному стеклу.

Было такое ощущение, что в нём выросло что-то чужое. Затянуло в себя, и стало как бы своим. Или это он сам проклюнулся в ком-то?..

Полиментализм — всплыл в памяти фантастический термин. Это что-то вроде сосуществования двух сознаний в одном теле.

Ну, правильно, это ж не его тело, а Рычагова... С ума сойти! Он так спокойно рассуждает обо всей этой невероятности!

А что делать, коли уж он здесь и сейчас, за неделю до войны?!

Стоп-стоп! Кто — он?

«Иван Фёдорович Жилин» — это всего лишь «опознавательный знак» его личности. А что такое личность? Не тело, не мозг, а нечто расплывчато-неопределённое. Душа. Или разум.

Переселение душ? Нет, лучше так — перенос сознания.

Но то, что случилось с тобой, Ванька, куда круче, тут перенос не просто из одного мозга в другой, то есть не только в пространстве, но и во времени. Круто...

Ну, и забросило тебя, Ваня!

С другой стороны, что он теряет? Что может потерять дед, которому проломили голову? Кроме жития? Единственно — старость свою. Не жалко!

К тому же, взамен ты получаешь молодой, здоровый организм. Сбыча мечт, как зять любит выражаться...

Вернее, любил. Ещё точнее — будет любить.

— Ладно... — обронил Жилин.

Будем считать, что некая высшая сила пересадила его сознание в тело Рычагова, что само по себе замечательно, ибо лишиться дряхлости — это счастье. Похоже на больного, страдавшего долгие годы, и вдруг излечившегося. Это даже не радость, это буйный восторг!

А чего ж ты не прыгаешь от счастья, Иван Фёдорович? А того.

Единственный смысл в этом «подселении» может заключаться лишь в одном: ему поручается исправить ошибки Павла Рычагова.

А иначе как? Не может же быть, чтобы полковник из 2015 года «сконнектился», как зять выражается, с генерал-лейтенантом в 1941-м просто так, нечаянно!

Единственно только — это не случайность, не совпадение. Он, Жилин, был и остаётся, по выражению того же зятя, истинным «совком», то бишь человеком, для которого понятие долга — не пустой звук. А долг перед Родиной — самый священный.

Через неделю грянет война — чудовищная бойня, и он обязан сделать всё, чтобы его народ пролил меньше крови и слёз.

— Это даже не обсуждается, — пробормотал полковник.

Рычагов, правда, генлейт, но это не важно. Ответы на исконный русский вопрос: «Что делать?» он найдёт. Обязательно.

Ладно. По времени мы определились. А вот где Иван Фёдорович, который Павел Васильевич, находится? Откуда-то из глубин сознания всплыл адрес: «Сочи, проспект Сталина, военный санаторий».

Прошагав на балкон и оглядевшись по сторонам, Жилин убедился, что все так и есть. Это что же, выходит, память Рычагова при нём? Верно, верно! Не зря же он назвал ту женщину Машей!

Это жена Рычагова, Мария Нестеренко.

Хм. Вопрос: считать ли изменой ситуацию, когда женщина занимается любовью с другим мужчиной, чьё сознание перенесено в тело мужа?

Жилин покривился. Ну, ты и пошляк, Иван Фёдорович...

Всё, хватит ерундой заниматься!

Постояв под душем, Жилин вытерся огромным махровым полотенцем и аккуратно побрился опасным «Золингеном», оставив зачаток усов — для конспирации.

Он мрачно улыбнулся, стирая пену со щёк — придётся тебе побегать, котя, чтобы хвост не прищемили... Очень мало времени в твоём распоряжении, чтобы действовать обычным порядком.

Оттерев лицо одеколоном «Шипр» (кожу защищало, возвращая в годы, когда мужчины не ведали, что лучше, чем «Жиллет», для них нет), Иван Фёдорович оделся.

— Котя, я скоро! — крикнул он в сторону спальни и покинул номер.

Прошагав длинным коридором, уминая сапогами ковровую дорожку, Жилин спустился на первый этаж. Ничего особенного: пальмы в кадках, пара диванов, за стойкой — седенький Платон Николаич, добрейшей души человек. Наверняка «постукивает» в горотдел НКВД...

Увидав генерала, администратор заулыбался, залучился просто. А глаза недобрые, цепкие...

— Прогуляюсь за газетами, — небрежно обронил Иван.

— Конечно-конечно! Уже должны были подвезти.

Жилин вышел, пропадая из поля зрения Платона Николаевича, и осторожно глянул в большое окно. Администратор просеменил в служебные помещения.

Иван быстро отворил дверь, тихонечко прикрыв её за собою, и на цыпочках пробежал к служебке — мягкий ковёр глушил шаги. Углубляться в короткий тёмный коридор не пришлось — из-за приоткрытой двери донёсся заискивавший голос «Платона Николаича»:

— Мне бы начальничка вашего услышать, товарищ сержант. Ой, будьте добреньки! Жду, жду...Алексей Дмитриевич?\* Здравствуйте! «Платон» беспокоит. Да, да! Вышел только что. Говорит, за газетами. Ага... Ага... Слушаюсь, Алексей Дмитриевич. Обязательно! Проявлю бдительность. Мы тут всегда на страже... Ага...

Слушать дальше откровения бдительного «Платона» Жилин не стал. Быстро покинув санаторий, он прошагал по проспекту до ближайшего газетного киоска, где купил «Комсомолку».

— А сегодня какое? — спросил Иван, наклоняясь к окошку.

Продавщица мило улыбнулась генералу.

— С утра девятнадцатое было!

— Отстал от жизни, — пошутил Жилин.

Пройдя всего десяток шагов, он столкнулся с человеком, которого никогда не встречал, но из глубины сознания всплыло: Емельян Кондрат, товарищ по Испании.

— О, здорово! — удивился и обрадовался Емельян. — Тоже загореть охота? Ты с Машей? И я хожу парой, ха-ха!

— Выдался отпуск, и махнули на юг вместе, — улыбнулся Иван. — А то ведь моя Мария, как Пенелопа, вся жизнь её — ожидание. Я же странствую по войнам. А тут перерыв небольшой, как не воспользоваться.\*\*

— Ну и правильно! А мы тут по соседству. Ну, крепкого тебе загара, ха-ха! Давай!

— Давай...

Вернувшись, Жилин даже не посмотрел в сторону администратора. Поднявшись к себе, полковник бросил газету на стол и прошёл к Маше.

«Жена» прихорашивалась, сидя у трюмо. Иван опустился на кровать, перехватывая взгляд женщины в зеркале.

— Купаться когда пойдём? — улыбнулась она.

— Никогда, — серьёзно ответил «муж».

Машины бровки полезли вверх, а рука с расчёской задержалась.

— Что-то случилось, котя?

— Случилось. В это воскресенье начнётся война.

Нестеренко так резко повернулась к нему, что халатик распахнулся.

— Это правда?

---

\* А.Д.Бесчастнов, начальник 3-го спецотделения Сочинского горотдела УНКГБ.

\*\* Эти слова П.Рычагов действительно произносил при встрече с Е Кондратом.